Тюрин Александр Владимирович

2067: Браки заключаются в Петербурге

ЛитВек

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Красоты и опасности высокотехнологичного будущего, а также незабываемость прошлого в таком городе как Питер. Провинциалка и космофлотец совместно борются с внеземной заразой, к распространению которой приложила руку вполне земная корпорация. Попутно с биохакингом развиваются и романтические отношения.

- Александр Тюрин
  - 1. Кто в гости
  - 2. Кто домой
  - 3. Андерграунд наверху и внизу
  - 4. Службу служить – душой не кривить
  - 5. Последний бой
  - Эпилог

Александр Тюрин
2067: Браки заключаются в Петербурге

1. Кто в гости

«Не изменяя веселой традиции дождиком встретил меня Ленинград…»

Впрочем, дождик длился недолго и был грибным. Порадовав публику легкими струйками, включились стратосферные делатели погоды и, распылив нанокристаллы, связавшие водяной пар, открыли дорогу яркому солнечному свету, залившему Арктический вокзал Петербурга. Именно на этот вокзал, по форме напоминающему торосистую льдину, и прибыла Настя Кораблева. Поезд привез её, предвкушающую отпуск, по скайвею, который, казалось, и сам шагал на своих стометровых диамантоидных опорах по зеленому ковру тундры и тайги. Да и не привез, а примчал со скоростью самолета, 10 часов на 6000 километров пути. В дороге под ней паслись стада возрожденных мамонтов, выглядевшие россыпями одуванчиков, и сверкали бутоны арктических городов. Над ней светились солетты, посылая энергию тундровой растительности, являющейся теперь кормом для возрожденной и весьма прожорливой мегафауны. Позади остались не только тысячи километров, но и пять лет работы – после окончания сестринских курсов имени великой княгини Елизаветы Федоровны – парамедиком на китовой ферме в Чукотском море, затем медсестрой на подводной добывающей платформе в море Восточно-Сибирском. Там нередко вспоминалась другая песенка. «Над нами километры воды, и над нами бьют хвостами киты…»

Сквозь стены Арктического вокзала была видна набережная. К югу – стоянка яхт, от тримаранов с роторными парусами до плавучих пузырей из графена. За ними гроздья золотистых геодезиков – жилой квартал. А к северу длинный пляж с полосами белого и черного песка. Старички угнездились в «раковинках», защищающих их от ветра, закаленная детвора играет с крылатым мячом – солнце всё же зашло за тучку и стало по-питерски зябко. Роботы-жуки деловито собирают мусор. Другие аппараты – напоминающие фламинго – разносят прохладительные и горячие напитки: жидкость льется из «клюва», а стаканчики появляются из-под «крыла». За пляжем ряд смешных лавчонок в мультяшом стиле, роботизированные будочки для продажи всякой снеди – то избушка яги, потчующая пирогами, то здоровенная печка, выдающая горшки со старорежимной кашей, которая зовет на труд и на подвиг. Далее к востоку – ступенчатые дома, жилые этажи чередуются с этажами-садами…

После того, как Настя поднялась на парковку, к ней сразу

подкатил колобок – круглая одноместная машинка – и раскрылся, приглашая. Когда пассажирка оказалась внутри, роботех-водитель поинтересовался:

– Куда желаете?

– Пока никуда, – легкомысленно отозвалась Настя.

– Всё понял, маршрут стохастический; я музычку включу, если не возражаете.

Колобок покатился по трассе, переброшенной на высоте ста метров через Васильевский остров. В транспортном потоке также преобладали сферокары. Милые кругляши разного диаметра, с корпусом изменяемой прозрачности, который одновременно являлся и колесом. Мест для пассажиров – от одного до пяти. Сидения – на гироскопической гондоле. Понятно, что колобки – без ретро-двигателя внутреннего сгорания, энергия передается из-под дорожного покрытия. А удивило ее то, что они могли закатываться прямо в дома, на нужный этаж, по желобам, отходящим от главной трассы.

На борта-экраны пошла информация о достопримечательностях и выдающихся людях города на Неве – в режиме «дополненной реальности».

Тут стоял Петр и мечтал, там сидел Мендеелев и думал. И про современных тоже. Вот за тем окном (стрелочка показывает, роботех рассказывает) живет старик-ученый, придумавший эффективную и безопасную беспроводную передачу энергии, благодаря которой мы весело катаемся, не загрязняя воздух никакими выхлопами. А вон там отважный полярник, который в одних трусах дошел до Северного полюса, испытав заодно гликопротеиновый антифриз в крови и внутриклеточной жидкости – теперь готовится выйти без скафандра на поверхность Марса. А за этой скромной занавеской пьет чай с малиной чиновник, действительный государственный советник. Он создал систему абсолютной честности для всего госаппарата, заменив 90% персонала на компьютеры под управлением вечно строгого искина. Ходят слухи, что оставшимся бюрократам был внедрен с помощью нейроинтерфейса рефлекс чести – теперь «бабло, даваемое на лапу», вызывает у них немедленный приступ рвоты. Но это преувеличение. Благодаря нашему герою, зарплату чиновники получают особыми электронными деньгами, имеющими «запах», лишь такими и могут пользоваться – уже не выйдет получить взятку и спрятать ее в офшоре .

– Тут все-таки большой город и что-то я не въезжаю, а почему такие люди не боятся указывать свое место проживания любому залетному уголовнику? – задалась вопросом Настя.

– Чем больше упоминаний о человеке в сети, тем более к

нему приковано внимание общественных систем безопасности, – стал охотно разъяснять роботех. – Вон посмотрите – около окна квартиры, где живет наш скромный герой, словно мошкара вьется – это дроны-телохранители.

Трасса прошла через висячие сады, которым позавидовала бы Семирамида – никакой почвы, только аэропоника, и оказалась над широкой многоярусной улицей, Большим проспектом Васильевского острова. Машины катались по верхним трем ярусам, ниже шествовали пешеходы. Еще ниже буйствовала зелень… Растения, пешеходы, машины, даже лошади и пони – всё имелось в большом количестве – но не пересекалось, потому что располагалось на разных уровнях.

Около стеллы, напоминающей творения советских конструктивистов и представляющей что-то вроде ракет в фуражках, сферокар остановился – по просьбе Насти. Это был памятник героям Роскосмофлота, живым и мертвым. Покорителям трансмарсианского пространства, осваивавшим дальние планеты и их спутники, нырявшим в глубины юпитерианской атмосферы, боровшимся с роями дронов-пиратов, которых насылал Атлантический альянс. Имена и фамилии, голографические портреты – улыбаются во весь рот, в парадной форме.

Вот это капитан III ранга Всеволод Никольский. Она читала его «Записки из подледного океана Европы». Хорошо, что живой. Не красавчик, как некоторые. Умеренно симпатичный, хотя взгляд какой-то слишком жесткий. Ордена за Вторую орбитальную войну, оборону Цереры и бои на Европе.

Настя перекусила в ресторанчике народной кухни; точнее, сама, при помощи шестирукой говорливой робокухарки, приготовила там себе еду. А далее пошли сплошные скачки. За три дня Настя посетила почти всё, что значилось в «меню» невзыскательного туриста.

Зимний Дворец с его голографическим балом – императоры, гвардейцы и т.д. И с любым можно потанцевать.

Петергоф с его гелиевыми фонтанами, где сверхтекучая жидкость втекает обратно в пасть льву.

Зоологический музей с его квази-живыми моделями вымершей и пока еще не восстановленной земной фауны: саблезубые тигры, мегалодоны, ихтиозавры и прочие зубастики.

Музей Арктики с его криозонами, где пасутся карликовые музейные мамонты. «Всё-таки, наши гиганты симпатичнее», – отметила Настя. Экскурсии там ведут первопроходцы Севера, покорители суровых гиперборейских пространств, от Ивана Реброва до Семёна Дежнёва, в виде андроидов, конечно.

Зоопарк, где есть вольер с велоцирапторами, восстановленными с помощью рекомбинантой ДНК, а еще животные со светящейся шерстью и прозрачными кожными покровами – судя по аппетиту, все чувствуют себя неплохо.

Ботанический сад, где растут чудеса дизайнерской генетики – есть деревья в форме вешалки, с которых свисают одновременно яблоки, груши и какие-то непонятные плоды, напоминающие банки с пивом.

Подлодку «Верба», вставшую на прикол возле Морского корпуса Петра Великого – ту самую, которая утопила роботизированную субмарину Атлантического альянса «Масон Джефферсон», готовую «по случайности» выпустить восемьдесят крылатых ракет по множеству важных российских объектов.

Висячие сады «Газпрома», который давно уже не продает газ на Запад, а занимается добычей гелия-3 на Луне.

Музей Освоения Космоса. Там тебе дадут почувствовать и венерианскую жару, и юпитерианский ветер. Еще там есть отличная экспозиция, посвященная астероидным войнам, где можно пострелять из настоящих лазерных пушек.

Кунсткамеру, в которой имеются новые экспозиции, посвященные агрессивным мутантам Лимитрофа, сильно размножившимся после медицинских экспериментов фонда Рокфеллера и биовойн середины века – одни экземпляры постоянно скачут, у других голова в форме кастрюли.

Аттракционы Крестовского острова – можно, например, пронестись по пятикилометровой сверхскользкой трубе, практически лишенной силы трения и упасть с высоты триста метров на огромный пузырь из аэрогеля. Очень-очень, до визга, страшно и совершенно безопасно.

Музей Пушкина, где можно пообщаться с искусственным интеллектом, сформированный на основе анализа творчества великого русского поэта. Настя спросила его, как сложится её личная жизнь, на что «Пушкин» отвечал: «Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь, И долго вслед за ним незримая глядишь… Никто из юношей свободней и смелей Не властвует конем по прихоти своей…» И добавил: «Коня, Настенька, можешь заменить на звездолет, сферокар или что-то вроде…»

Ну и, конечно, информаториум Земского собора, где можно увидеть, как звездочки, все 200 миллионов участников народоправства, а также поучаствовать в прямом голосовании по важнейшим вопросам, например, об организации большой экспедиции к Сатурну.

Но потом захотелось чего-то такого, чего и близко нет, ни на побережье Восточно-Сибирского моря, ни в его глубинах.

Светской, тусовочной жизни. Той, которой не может быть в рабочих поселках по берегам Ледовитого океана, на буровых и добывающих платформах, полупогружных и подводных, на научных станциях, дрейфущих и мерзлотных, в тундровых городах, покрытых и непокрытых куполом, на китовых фермах и в плейстоценовых парках, на АЭС полярного «ториева кольца» и на базах Северного флота. И даже в портах Северного морского пути, где и малайские моряки не пытаются искать злачные места, но тихо-мирно сидят в блинной или чебуречной. Однако, если нет тусовочной жизни в Арктике, то такая должна наверняка иметься в мегаполисах вроде Петербурга.

Настя была решительной. Благодаря своей решительности товарищ Кораблева спасла от смерти кита, которого травмировал атомный ледокол. Вместе с еще одним парамедиком она нырнула на глубину двести метров, успокоила страдающее животное, ввела ему пять литров обезболивающего, зашила ему рану длиной в три метра и поставила ему десятилитровую капельницу с целительным коктейлем из антибиотиков и абзимов…

Настя взяла сферокар и отправилась к небоскребам питерской лагуны, которые были по сути огромными наноплантовыми растениями с собственным метаболизмом, вырастающими прямо из воды на полукилометровую высоту, и этим напоминающими мангровый лес.

На набережной пересела на гидроскутер и добралась до самого высокого из них – полукилометрового Дома народного творчества. На его криволинейном шпиле имелось много смотровых площадок, с которых был виден и старый город, и лахтинские высотки, напоминающие горный хребет – благодаря игре солнечных лучей на их вершинах, и искусственные облака-экраны, которые демонстрировали циклопическую рекламу марсианских круизов, и небоскребы питерской лагуны, затянутые светящимся и переливающимся туманом. Красочные облака и туманы состояли из наноботов, которые собирали электрические заряды от капель дождя. А плавучие островки внизу казались размером с блин. На одном из них постройки из металлопластика были словно елочные игрушки из серебристой и золотистой фольги. Дома на другом островке выглядели, как огромные люстры, кубки и вазы; фасады из умного стекла меняли цвет и прозрачность по желанию жильцов.

Но и эта высота не была финальной. С вершины небоскреба-растения по тросам из карбоновых нанотрубок поднимался лифт к облакам, точнее к летающему острову из аэрографита, заполненного гелием. Там Настя подошла к краю смотровой площадки, где располагался открытый балкон. Под ним растилась

голубая гладь питерской лагуны, когда-то бывшей Невской губой, а за дамбой, напоминающей хрустальную волну, виднелся серой дымкой Финский залив. Вокруг летали и парили парапланы и птеромобили, внизу скользили яхты и катера – как букашки-водомерки.

Настя перелезла через перила и встала с другой стороны – ветерок приличный, но и руки у девушки совсем не слабенькие, как-никак у нее было много подводных погружений. Единственное, что смущало – пространство, напоенное лазоревым светом небес, манило, тянуло, обещало дать ей ласку и позаботиться о ней.

– Не торопись, киса. В смысле, не так сильно торопись. На свете есть еще несколько вещей, которые бы неплохо узнать, прежде чем отправиться навстречу звездам.

Она по-быстрому вернулась обратно.

На нее смотрел парень, в шортах и майке. Симпатичный, даже слишком. Похоже, с его лицом и торсом поработали медботы или оно прошло какой-то ремастеринг с редактурой экспрессии генов. Покрытые светящейся фотонической краской пряди волос, яркие точки на правой выбритой стороне головы – проекторы, создающие голографическую тату. Сейчас она изображала буддийских монахов, занимающихся чем-то тантрическим и неприличным, что придавало новому знакомому особый шарм. Как и зеркалящие линзоэкраны на его глазах.

Его ли она ждала втайне, как намекнул искин «Пушкин», и какой у него «конь»?

– Ну и что ты можешь мне показать, мальчик? – игриво поинтересовалась Настя.

– Начнем с Петронезии. «Острова южных морей» прямо в питерской лагуне. Слыхала о них что-нибудь?

2. Кто домой

Капитан III ранга Никольский посмотрел в иллюминатор. А ведь он почти дома. Видна линия терминатора, а за ним восходящие звезды ракетных стартов. Это взмывают в космос примерно такие же парни, каким он был двенадцать лет назад. Не все, конечно – там полно и обычных туристов, и технарей для обслуживания энергетических установок и оранжерей, и всякой бизнес-мелюзги, которая лезет в каждую дырку с архивыгодным предложением: «Купи пылесос с искусственным интеллектом на быстрых нейтронах по цене веника». И не в космос они летят, а всего лишь на орбитальные станции. Уже там будут формироваться экипажи и проводиться предполетная подготовка на симуляторах и тренажерах. А потом и кадеты, и опытные космоплаватели сядут, точнее, лягут, накачавшись гликопротеинами, в криокапсулы на больших кораблях, не имеющих никаких аэродинамических поверхностей и похожих на творение скульптора-авангардиста, к тому же психопата. И отправятся в дальнюю космическую дорогу.

А над самим городом Петра, на высоте шестисот километров висел его орбитальный «двойник». Это было творение скульптора, точнее ряда космоскульпторов из «группы Кожемякина-Карапетяна», изваянное при помощи сонма микромашин. Космическое отражение города, возникшего более трех с половиной столетий назад на стыке русской земли и чужой воды, на фронтире страны и народа, на границе геологических формаций – Балтийского щита и Русской плиты, суши и моря, тайги и широколиственных лесов, влаги и холода, родной души и инородных идей. В этом изваянии, исполненном с помощью пластических метаморфоз и фрактальной геометрии, отразился город, измученный пограничной борьбой и потерявшей в ней очень много, утративший столько возможностей, но все же сделавший невозможное реальным…

Борт с Никольским приземлился в Пулково-5 (можно было воспользоваться и военным фидером, но тогда бы он оказался прилично за городом, на космодроме Роскомфлота в Гатчине). Он решил взять не забавный колобок-сферокар, более подходящий для легкомысленных туристок, а серьезное роботакси, похожее на древнюю «Чайку» и поехать домой. Но, когда он спустился в лифте на стоянку, там его встретили. Незнакомый офицер в чине подполковника, высоченный и широкоплечий, и служебный автомобиль, напоминающий утюг, где не различимы ни двери, ни стекла.

– Капитан III ранга Никольский?

– Вы удивительно догадливы.

– Я – за вами. Вас ждут в штабе.

Спустя двадцать минут он уже был в здании имперского Главного штаба, которое уже лет как двадцать было передано под штаб Роскосмофлота. Из окна открывался вид на Дворцовую площадь с ее лазерными композициями.

– Мы ознакомились с присланными вами видеозаписями, Всеволод Дмитриевич. Желаете освежить память? – спросил хозяин кабинета. Свет настольной лампы в этот предвечерний час выхватывал половину его крупной бритой головы, погружая в тень другую, отчего она напоминала Луну в фазе последней четверти.

– Нет необходимости, такое не забывается, товарищ контр-адмирал.

И действительно он никогда не забудет тот спуск в атмосферу Юпитера .

Он оказался между исполинских голубых «стен» облачного каньона, образованных кристаллами аммиачного льда; под ним текла со скоростью полтысячи километров в час желто-коричневая «река», подкрашенная сульфидом аммония. Потом машину подхватила мощная турбулентность и бросила в сторону. Он уже был готов резко поднять свой Ла-35. Потянул штурвал на себя и именно в этот момент случилось странное; машина, завалившись на корму, стала падать – десять, пятнадцать, двадцать километров.

И вдруг скорость ветра резко упала, до каких-то жалких пятидесяти километров в час. Машина прекратила падение. Над ним играло авроральными всполохами желтое небо, под ним переливалась оттенками бордового юпитерианская глубина.

Никольский переключил управление на автопилота и дал команду на вертикальный взлет. Последнее, что он смог увидеть, прежде чем отключиться от перегрузки – какую-то большую кляксу, вроде как шар со множеством отростков, напоминающий помпон; он находился в центре этого безмолвия.

– Я встретился со внеземной жизнью, товарищ контр-адмирал. О разумности этой кляксы говорить не буду, но она была живой.

– Говорят, что у пилотов на околоюпитерианских станциях и базах была такая игра, кто глубже нырнет в атмосферу Юпитера – после гибели майора Вечорека ставшая совершенно неофициальной и, более того, запрещенной.

– Я ж отсидел на гауптвахте за это целый месяц, товарищ контр-адмирал. Искупил, так сказать, вину.

– Ладно, будем считать, что искупил. А вы связываете то, что происходило затем на орбитальных и спутниковых станциях, с тем, что вы увидели в атмосфере Юпитера?

– Да, товарищ контр-адмирал. Видимо, зараза была занесена на станцию «Юпитер-12» контаминированными поверхностями зондов. А потом с одним из снабженческих катеров попала и на Европу.

– Что это означало для персонала станций?

– Очевидно, люди становились носителями на одной из стадий размножения этого… космического организма. У нас не было возможности провести детальный биологический анализ. А те, кто имел возможность, с нами не делился, да и почти все они уже мертвы… Нити, то есть гифы, испускаемые этим «помпоном», точнее морулой, проникали сквозь всё. Этот паразит полностью подчинял себе человека, включая в свой метаболизм. Человек становился его орудием. Ел для него, убивал для него. Мутировал под его воздействием, делался почти неуязвимым, точнее более живучим. Когда удавалось все же уничтожить носителя, эта зараза не погибала. Гифы сворачивались в клубок или кокон, из которого затем выходила целая гроздь пузырей. Наверное, это соотносилось с другой стадией в цикле развития паразита.

Никольский вспомнил первую жертву инфекции, которую его группа обнаружила во льдах Европы – труп исследователя со станции Атлантического альянса «Тор-2»… Сквозь разрывы скафандра и кожных покровов было видно, что внутренние органы потеряли форму и структуру, обратившись в комья слизи. На месте сердца виднелась гроздь пузырей, оплетенная блестящими в свете фонаря слизневидными тяжами – на удивление они не замерзли, словно были пропитаны антифризом, и даже были подвижны… Пришлось обследовать станцию, с которой бежал этот человек навстречу своей смерти…

А там все были такие. Причем, некоторые еще живые. Живые, опасные и страшные. Чего стоит появившаяся у них способность приклеиваться к потолку, бегать по стенам, чувствовать электромагнитные поля и не дышать. А каково было увидеть у них жерло – зев на месте раскрывшейся и словно червивой грудной клетки…

Его группа подверглась нападению со стороны этих монстров, пришлось их уничтожить термобарическими боеприпасами; ничто другое этих гадов не брало. Это и стало причиной краткосрочной войнушки с силами Атлантического альянса в системе Юпитера, которая закончилась, когда удалось подбить их корвет с помощью переносной ракетной установки.

– А что насчет вас, Всеволод Дмитриевич? В смысле,

заражение исключено?

– Я прошел длительный карантин на Весте, товарищ контр-адмирал. Во мне этого нет.

– Могло ли это с кем-то попасть на Землю?

– Подозреваю, что да. Гражданские, возвращавшиеся из системы Юпитера, не проходили карантина, их проверяли уже на земной орбите, по ряду формальных признаков: температура тела, энцефалограмма. Делали терагерцевый снимок. Но думаю, этого недостаточно.

Контр-адмирал поднялся, подошел к окну, взглянул на ангела «в натуральную величину», украшавшего Александрийский столп.

– У нас, Всеволод Дмитриевич, сейчас есть эффективные быстрые способы обнаружения этого космического организма, а точнее паразита.

– Это что, таскать повсюду сканер размером с хороший шкаф?

Старший по званию в первый раз позволил себе улыбнуться. В его руке появился небольшой цилиндр.

– Вещество-детектор выходит из этого контейнера при небольшом сжатии – это миллиард микромашин, обволакивающих, так сказать, объект. Данные сканирования анализируются встроенной спинтроникой, передаются вам через скин-коннектор, результаты выводятся линзоэкраном на зрачки и воспринимаются как виртуальные окна в окружающем пространстве. Визуализация показывает, как карты тканевых структур, так и интегральную картину в разных ракурсах… Кстати, давайте испробуем его на вас, Всеволод Дмитриевич. Для создания обстановки доверия, так сказать…

Раз и искрящееся облачко окружило Никольского.

– Если бы вы были заражены, то эти малыши сразу бы занялись вашим исцелением. Что ж, поздравляю. А вот так выглядит зараженный человек, так сказать, изнутри.

Между рук контр-адмирала возникло виртуальное окно:

– Это исследование стационарным сканером мертвого тела.

На видео тело поплыло внутрь сканера, напоминающего по форме торпедный аппарат с АПЛ. Затем появилось объемное изображение человека, вращающегося вдоль продольной оси. «Торпедный аппарат» урчал, набирая всё большую мощность. Слой за слоем с тела стали сниматься лишние «детали» – кожный покров, цвет тканей, окраска крови.

Никольский увидел, как зеленые гифы ползут у мертвеца из крестца по спинному хребту к черепу, и как бы выглядывают из тела, словно подыскивая себе нового носителя.

– Этот труп был найден вчера – так сказать, в месте, куда

порядочным людям заходить не стоит.

При дальнейшем увеличении и переходе от тканевого на молекулярный уровень клеточные структуры «раздувались»; почти что планетами проплывали ядра, вакуоли и плазмиды клеток, а вот уже закувыркались белковые глобулы,

Теперь было видно, что ниточки инфекции выходят из узелков и, не встречая сопротивления, проникают в белковые молекулы, нанизывают их на себя, как ожерелье. Похоже, им плевать на химические связи и электромагнитные силы.

– Пожалуйста, дайте большее увеличение, – сказал Никольский. – Вам эти участки гифов с глобулами не напоминают код в троичной системе счисления Брусенцова? Похоже, космический паразит способен к такой транскрипции, какая наиболее подходит для земных условий и для его пребывания в человеческом теле. Я не удивлюсь, если он копирует код, применяемый корпорацией «Дюмон Лайф Продакшн» в своей ИМФ марки Living W.

– Вы хотите сказать, что эта внеземная жизнь читает код Интракорпоральной Механохимической Фабрики Living W. и использует его? – голос контр-адмирала показал всю палитру недоверия. – Закрытый и проприетарный код корпорции «Дюмон»? А ведь даже те фирмы и правительства, которые покупают лицензию у Дюмона на использование Living W., не имеют прямого доступа к этому коду и работают только с тем интерфейсом прикладного программирования, который поставляет владелец ноу-хау.

– Сам Дюмон очень активно заимствовал из репозиториев Института Брусенцова, мягко выражаясь, стырил и саму программную платформу. Возможно, Living W. разрабатывалось корпорацией, как бионическая имитация космического паразита; допустим, что ради другой цели – максимально улучшить здоровье, выживаемость и жизнедеятельность клиентов. Но и паразит мог научиться читать код ИМФ и тоже использовал его в своих целях. Мы ведь не знаем, чем занимались исследователи Атлантического альянса на «Тор-2», прежде чем инфекция попала там в среду жизнедеятельности.

– И всё же зачем это было надо самому Дюмону? – строго спросил старший по званию.

– Дюмон всё еще контролирует большую часть рынка семян, спор и эмбрионов, а также органов для трансплантологии, как синтетических, так и выращенных на живых плантациях. Дюмон продает средства для поддержания здоровья и молодости, в первую очередь ИМФ. Дюмон контролирует производство и поддержание жизни, а с помощью инопланетного паразита он

захотел стать самой жизнью, получить способность жить и выживать в любой, даже самой неблагоприятной среде. Под «Дюмоном» я понимаю, конечно, не только его самого, но и всех его богатых клиентов, которые считают себя высшей расой.

Контр-адмирал сел за свой стол и погасил настольную лампу.

– Вы свободны, отдохните с дороги, товарищ капитан III ранга. Утро вечера мудренее. И постарайтесь хорошо выспаться – без снов-кошмаров. А завтра с утра пораньше принимайтесь за дело. Вас будут ждать для инструктажа в шестом техническом отделе.

3. Андерграунд наверху и внизу

Аэрокар пролетел между двумя корпусами Института Прошлого и Будущего, которые напоминали надувшиеся под воздействием ветра полотнища косых парусов – и в самом деле их фасады, снабженные актуаторами, меняли свою кривизну согласно программе. А фотонические покрытия на фасадах образовывали огромные экраны, на которых крутилась видимая даже из космоса социальная реклама.

Вдалеке маячил плавучий аэропорт, похожий на кита; к северо-востоку в утренней дымке проглядывали плавучие индустриальные громады, особенно выделялись своими циклопическими размерами доки, верфи и нефтеперегонные заводы, на их фоне сияли «магические кристаллы» лабораторий и институтов. Легкими переливами яркости просматривались и многоярусные плантации тюльпанов, похожие на алхимические колбы.

Была видна и дамба, она была похожа на волну, несущую бесчисленные охапки хрустальных одуванчиков.

Под действием моря и ветра многолопастные "цветы", почти не имеющие трения вращения, крутились и вибрировали, охотно превращая кинетическую энергию стихий в электричество.

Сейчас аэрокар летел над "слоем" старых судов, вставших на вечную якорную стоянку неподалеку от плавучих мусороперерабатывающих заводов, похожих на кракенов.

– То, что внизу, называется Петронезией. За короткое время она была под завязку заселена выходцами из южных стран – там как раз шли войны Внутреннего Полумесяца, – сказал красавчик Эдди. Так, по крайней мере, он назвал себя.

– Они не виноваты, – заметила честная Настя. – Войны были инспирированы Атлантическим альянсом, который не хотел, чтобы эти страны дружно развивались и сами производили высокотехнологичную продукцию.

– Ладно, только ты мне политинформацию не читай, я ведь не член твоего трудового коллектива, – и Эдди первый раз поцеловал Настю, так умело, взасос, что ей очень понравилось. И заодно стало очень стыдно, правда ненадолго.

Они приземлились на понтон и пошли по главной «улице» Петронезии. Несмотря на поздний час, на этой улочке было достаточно людей, там и сям мелькали огоньки косячков, дисплеев и проекторов. Странная улочка. По бокам – мачты, надстройки, краны, лебедки, антенны, комингсы люков и крышки трюмов. Слегка качается и стонет улочка под ногами. Это под

покрытием из саморастущего пластика-вегетанта, похожего на дерн, бултыхаются старые суда, трофейные эсминцы, траулеры, буксиры, танкеры, баржи, чьи балластные цистерны и трюмы заполнены поропластом.

Можно поозираться на местную публику, подмазанную сиянием рекламных пузырей, которых свежий вечерний ветерок растаскивает во все стороны от делового центра города. На богемные шарфы продавцов нацеплены психоконнекторы – похожие на жуков, они шевелят ножками электродов. На предплечья наклеены трансодермы, которые источают под кожу всякую дурь. К лацканам пришпилены блестящие кристаллы процессоров, предназначенных для работы с психикой. В пригоршнях, как снежинки, лежат психософты и глюкософты. Голографические проекторы, встроенные в очки продавцов, выдают заставки игр. Наслаждайся и оттягивайся за гроши – весь этот игровой софт взломан хакерами из группировки «Иншалла».

– Здесь можно купить нелегального андроида, чтобы общаться с ним в стиле маркиза де Сада, о котором тебе вряд ли рассказывали в школе. Можно даже поредактировать гены или поуправлять их экспрессией. Но это, естественно, не на улице, а в уютном трюме, – усмехнулся Эдди, оценив восторг Насти.

– Тут даже можно приобрести хакнутый ИМФ от корпорации Дюмон – знаменитый Living W., – добавил он. – И тогда вечная и веселая жизнь обеспечена.

– Так я и поверила, – отозвалась Настя. – Мне вполне хватает легального отечественного патоцида, который тоже прекрасно справляется с вирусами, бактериями и другими патогенными факторами, штопает порвавшиеся сосуды и кожу.

– Это далеко не то же самое. Но правильно делаешь, что не веришь – контрафактной Living W. не существует. Эта ИМФ не взламывается и не копируется. Она – только для очень богатых.

Настя не успела оглянуться, как Эдди приобрел трансодерм и наклеил ей на шею в районе артерии. Потом они жевали какой-то искрящийся «песок» – он становился шипящей пузырящейся жидкостью только во рту – пузыри как будто летели в голову и там всё тоже весело пузырилось, даже мысли перестали склеиваться. А благодаря жуку-психоконнектору, заползшему в Настин нейроинтерфейс, и кристаллику глюкософта, сейчас она видела повсюду бабочек, колибри и орхидеи. Ещё, видимо, подействовал трансодерм – и раскрылось небо, оттуда затрубили ангелы и заиграли что-то вроде «Чаттануга чучу». А затем была еще какая-то вечеринка, там девушки крутились в прозрачных сферах, которые были подвешены к потолку на невидимых тросиках из углеродных нанотрубок. Сферы, к тому же, были

заполнены жидкостью. Судя по отсутствию пузырьков, легкие танцовщиц заполнял кислородсодержащий перфторуглеродный гель.

А после вечеринки Настя целовалась с Эдди, а в линзоэкранах, покрывавших его зрачки, мелькали какие-то цифирки и фигурки. Что было затем, она… не помнит.

Очнулась Настя уже не в Петронезии. Какое-то круглое мрачное помещение, похожее на языческие храмы. Она сидит на холодном каменном полу. В нишах – огни и изваяния странных божеств. Они как будто поглощали друг друга всем телом. Огонь был и посреди зала, на жертвеннике – он не сжигал, только растекался по руке и слегка пощипывал. Жертвенник висел в воздухе без опор, как сверхпроводник в магнитном поле. Возле него стоял Эдди и какой-то высокий представительный мужчина постарше. В зале были и другие люди с лицами, которые покрывали мимические маски; сейчас все они поголовно источали сладкие улыбочки.

– Подойди сюда, Настя, – мягко сказал Эдди. – Не бойся.

Она встала и подошла к жертвеннику. Ноги были словно чужие, они слушались Эдди.

– Сегодня твоя жизнь начнется заново. С приобщения к таинствам Вселенной. Подними голову, она смотрит на тебя.

Настя опять послушалась. Сейчас над ней не было потолка. Сквозь багровые всполохи виделся громадный глаз. Это что еще трансодерм действует или Эдди загрузил ей новый глюкософт?

В руках пожилого мужчины появился цилиндр из благородного металла. Раз и из него вышло облачко зеленоватых искр.

– Подойди и вдохни это. Просто вдохни эти искорки, – зашептал Эдди. – Это жизнь, хотя и не похожая на нашу. Она хочет быть с нами в симбиозе, она щедра. Вдохни. Ты же не ксенофобка, как бритые затылки, которые заправляют делами в Земском соборе и ходят торчать в музей Русского фронтира. Ты открыта Западу и Востоку, Небесам и Преисподней. Помнишь, я тебе говорил, что контрафактной ИМФ Living W. не существует. Так вот, то, что находится в этом цилиндре – является недостижимым образцом для любой ИМФ. Это сама жизнь. Как только ты вдохнешь её, она станет твоей. Ты обретешь вечность, свободу, счастье, почти что всемогущество.

Все внутри кричало: «Не делай это». Но Настя подошла и вдохнула…

А потом они мчались по ночному городу на ховербордах, цепляясь вакуумными липучками за автомобили и вызывая неподдельный ужас у их пассажиров. И она не боялась

навернуться, потому что ощущала паутинки электромагнитных взаимодействий, исходящие из-под дорожного покрытия. Она чувствовала дыхания тех, кто был с ней, биение их сердец и даже то, как, пульсируя, течет кровь в их сосудах.

Потом они добрались до набережной Петроградского острова, где воздвигались новые наноплантовые небоскребы – сейчас было особенно заметно, что это растения, а не постройки. Сосуды и волокна проглядывали сквозь полупрозрачную паренхиму, которая нарастала на центральный ствол.

Какой-то хмырь, получив немного на лапу, пропустил их на стройку, где взрастала высотка, похожая на длиннющий и слегка изогнутый огурец. Сперва они поднимались на внешнем лифте. Вышли на сотом этаже, дальше подъемник уже не вёз.

– Последние десять этажей идут уступами – карабкаться легко, используя арматуру для высокогорных растений, установленную на простенках, – сказал Эдди.

– Я согласна, но разве ты не сделаешь мне обвязку?

– Не-а, – помотал головой Эдди. – Оно того не стоит. Обвязка, карабин, жумар – всё это не для тех, кто штурмует небо. У нас совсем короткое путешествие; короткое, но прочищающее, как клизма. Наверх пойдем только мы вдвоем.

Она поднималась, умоляя себя не смотреть вниз.

– Когда уже оно кончится, это твое «короткое»? – окликнула она Эдди, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Еще немного. Дай руку. Садись, передохни.

Они находились на карнизе, не слишком широком. От первого же случайного взгляда вниз ей стало нехорошо, и она инстинктивно обхватила спутника.

– Это самые искренние объятия, какие только можно представить. А теперь еще немного вверх, в космос.

Вот они уже на кровле – наклон 29 градусов, «комфортный», как сказал Эдди.

– Отсекай от себя высоту, – требует он. Легко сказать.

И все-таки ей удается усилием воли отсечь от себя высоту, начинающуюся в сантиметре от ее ноги. Теперь это не смертельная бездна, а просто фактор среды. Настя даже поймала волну концентрации; теперь всё, что вблизи, стало четче и массивнее, и даже как-то примагничивало; а то, что вдали и несущественно, затянулось белесой дымкой, как на картинах китайских художников. Двинулись. Десять шагов вдоль балюстрады, теперь по кровле. Ветерок приличный по горизонтали и по вертикали, кровля дрожит и вибрирует.

Она ищет руками и ногами выступы на кровле. Теперь ее ступня ровно на краю бездны, нельзя ни миллиметром правее или

левее. Вот чей-то камалот, кто-то тут поднимался со страховочным тросом. Но она круче, ей этого не надо.

И вот они уже под самым шпилем – это нанoплантовый цветок с двумя лепестками и заостренным бутончиком. Эдди набрасывает веревку на левый лепесток, ловит конец, делает узел и подтягивает его кверху. Он все-таки заботится о ней.

Вот он забрался на лепесток. Стоя на узкой площадке, левой рукой он цепляется за вмятины в нанoплантовом покрытии, а правой вкручивает шлямбур и пропускает страховочный конец через его проушину.

Теперь они оба на полукилометровой высоте над городом, залитом лунным светом. Она и Эдди, только вдвоем. А Петропавловка, Адмиралтейство и Зимний дворец похожи на марципановые сладости.

– Ну что, готова? – спросил Эдди.

– Готова, – не задумываясь, сказала она. То, что глюкософт сейчас нарисовал мост, уходящий к Луне, только придало ей решительности.

– Тогда повторяй всё, что сделаю я. И не забывай – ты теперь связана со всем космосом. Никто и ничто не может нам что-то запретить, ни правительство, ни какие-то православные мракобесы, ни даже весь Земский собор.

Он разбежался по лепестку как по трамплину. И прыгнул.

– Иди за мной, – еще донеслось из бездны.

В этот момент к ней подлетел общественный дрон-телохранитель:

– Гражданка Кораблева, город оценивает ваши намерения, как крайне опасные. Прошу оставаться на месте, сейчас я вызываю аэрокар городской службы спасения.

– Отстань, муха.

И Настя поторопилась, чтобы не передумать. Прыгнула прямо в лунный свет. Перед тем как испугаться, она почувствовала, что-то есть внутри нее и вокруг нее, связанное с ней, прочное и надежное. Это не даст ей погибнуть. Она – супер! Секунд через двадцать полета она ощутила, как что-то удерживает ее, не дает ей камнем свалиться вниз – тонкие до невидимости, эластичные и очень прочные нити, протянувшиеся между высотками, играют роль «тарзанок», что ли. А сам полет был прекрасен. Мимо пронесся Эдди.

– Это здорово! Я люблю тебя! – простодушно крикнула Настя своему герою.

Она могла управлять своим полетом, этими нитями, их натяжением. Она вместе с Эдди пронеслась над мрачно-изумрудными водами питерской лагуны, и снова взмыла вверх.

А потом было ложе любви, в одном из садов на крыше эллинга. Через час Настя поняла: то, что шевелиться в ней – чужая жизнь, и она всего лишь кокон для нее.

Эдди как раз куда-то свалил на чужом моноцикле – вроде за алкогольным «песком». А Настя сиганула с крыши эллинга и бросилась бежать по пустой улице. Но слышала в голове чей-то голос: «От этого не уйдешь, оно в тебе», пока не догадалась вытащить психоконнектор из своего нейроинтерфейса. А через минуту заметила погоню – ее преследовали люди-пауки. Они бежали по фасадам, карнизам, крышам домов – перепрыгивая через пролеты улочек. И Настя понимала – от них невозможно уйти. Чужая жизнь, которая в ней, родственна той, что находилось в этих «пауках». Эта жизнь должна была использовать ее, а потом разорвать на куски и выбросить.

4. Службу служить – душой не кривить

Никольский решил взять аэрокар, чтобы поскорее добраться до своего дома в Усть-Ижоре, находящемуся неподалеку от музея Русского фронтира, в который он любил бегать еще мальчишкой. Там можно было, погрузившись в виртуалку, отражать с башенки деревянного острога какой-нибудь из многочисленных набегов ливонских рыцарей или шведов вкупе с полудикими финскими племенами ями и суми… А еще там были модели знаменитых средневековых сражений на северо-западном рубеже Руси – Невской битвы, Ледового побоища, Раковорского сражения, взятия Ландскроны, битвы при Лялице. Маленькие, но подвижные фигурки, кораблики, коняшки – всем этим можно управлять самому, скакать, рубить. Демонстрационный материал, состоящий из нанокристаллов с управляемой изомерией, мог принимать любую форму. Полный улёт…

Сейчас Никольского не ждала семья, лишь старый дом, в котором жили еще его прапрадед и прапрабабка. Прапрадед-шкипер водил самоходную баржу, вывозил детей-дистрофиков из блокадного Ленинграда; ее утопили летом 1942 года итальянские быстроходные катера MAS-526, вышедшие из оккупированной финнами Лахденпохьи. Говорят, что он еще с ручным пулеметом отбивался от катеров, пока детей пересаживали на какой-то баркас…

– Сам поведу, – сказал Никольский роботеху-пилоту.

– Предъявите летное свидетельство.

– На, хоть сожри его, – Никольский тут же принудил себя остыть. Никогда не срывай свое раздражение на женщинах, детях и младших по званию; животные и роботы к ним тоже относятся.

– Извини, что-то заговариваться стал. Вот тебе мои права.

От штаба Роскомфлота он направил аэрокар в питерскую лагуну; за три года здесь выросло еще немало небоскребов, один вообще похож на кочан капусты. Снизился, чтобы пролететь между корпусами Института Прошлого и Будущего.

– Вы покинули воздушный коридор, предназначенный для нашего движения, товарищ капитан III ранга, – напомнил роботех-пилот.

– Во-первых, я же вижу, что никому не мешаю. А во-вторых, если ты наябедничаешь, я превращу тебя в ведро с болтами и гайками.

– Это угроза?

– Нет, скорее шутка, товарищ робот.

– Оценил. Со мной редко шутят. Да и у меня сейчас

появилась замечательная возможность просто поглазеть по сторонам, насладиться пейзажем и так далее, и так далее.

– Одного «и так далее» достаточно.

– Кстати, Дом народного творчества сегодня цветет – обратите внимание на эти огромные розовые цветы, чудеса бионической наноинженерии и заодно органы размножения нанопланта.

– Слушай, я не на экскурсии. Я только что вернулся домой из трехгодичной космической командировки. У меня, кстати, в системе Юпитера, робот был, считай, лучшим другом. Я сделал апгрейд ржавому робопогрузчику, поставил ему новую кубитовую матрицу на место развалившихся спинтронных мозгов – и, скажу прямо, сознательности у него оказалось побольше, чем у некоторых граждан... Забот у меня здесь, похоже, не меньше, чем в космосе.

– Что касается забот, можете полностью рассчитывать на меня. Интеллектуальные системы – лучшие друзья человека. Командир, а правда, что космос лучше осваивать роботами и прочими автоматами, чем людьми?

– Проще, но не лучше. Для людей не лучше.

– Командир, а как вы думаете, с какой целью по главной улице искусственного острова Петроградский-7 бежит субъект типа женщина 25–30 лет, не более 60 килограммов веса, волосы красные? Сразу видно, провинциалка. А её будто преследуют персоны, которых я однозначно охарактеризовать не могу. Это роботехи-андроиды – с вероятностью 0,3, синтетические бионические организмы, именуемые также биомехами – с вероятностью 0,5, люди с отредактированным геномом – с вероятностью 0,7.

– Подсчитывай вероятности молча. И не напоминай мне про воздушный коридор, потому что я снижаюсь. Блин, это твое корыто почти не маневрирует.

– Командир, это же не истребитель. Но я сейчас уберу программные заглушки на угол крена и угол тангажа.

– Держись за свои болты. Я почти что пикирую.

Красноволоска уже устала, она не бежала, а ковыляла, задыхаясь. Надо будет сесть прямо перед ней, заложив крутой вираж и быстро изменив вектор тяги. Кажется, там есть пространство для этого.

Однако на высоте пяти метров, прямо на вираже, аэрокар словно врезался в невидимую преграду, которая отшвырнула его, как волейбольная сетка отшвыривает мяч. Никольский успел рвануть на себе дроссельный рычаг и следом случилась такая круговерть, что бутерброд, съеденный в Пулково-5, едва не

выскочил наружу, поздороваться. Аэрокар бросило в стену одного дома, потом другого, и, наконец, зажало между двумя киосками в виде бананов… Кажется, ничего сломано. Или только чуть-чуть.

– Ты как? – спросил Никольский у роботеха-пилота, сплюнув кровь, натекшую в носоглотку.

– Терпимо. Идите, товарищ капитан III ранга, у меня все равно нет ни ног, ни рук. Возьмите из бардачка оружие, его оставил один клиент, впавший в наркологическую кому по время поездки. Я отчего-то решил его сохранить. Вот, пригодилось.

А пистолет этот оказался неплохой штучкой. Прицел с оптико-электронным детектором – для работы в сумраке по малозаметным целям – легко подсоединился через персональный скин-конннектор и дал картинку дополненной реальности, контуры целей и расстояния до них. В магазине – лепестковые пули для разрушения вязкой среды вроде кевларо-гелевой «жидкой» брони.

Никольский правильно сделал, что не подбежал сразу к упавшей женщине – на фоне багрового небосвода он хорошо различал контуры преследователей, а в дополненной реальности, благодаря детектору, были видны и нитевидные гифы, которые вертелись как змеи на голове Горгоны. С первых двух выстрелов офицер снял двух «блох» – а как еще назовешь этих типов, если они прыгают с фасада на фасад, и с крыши на крышу.

Пора. Он рванул к Красноволоске, но вовремя уловил, что уже стал мишенью, упал и проехал на животе еще несколько метров. Еще одним выстрелом пришиб «блоху», готовящуюся прыгнуть на него с фасада дома – нечего из себя горгулью изображать.

– Идти можешь? – обратился он к женщине, и, не дожидаясь ответа – она явно в ступоре – потащил ее за руку к укрытию. Не успел – перед ним возник монстр. Одежонка хипстера, заострившееся лицо и шея, под которой словно ходят узлы. Его грудная клетка вдруг распахнулась, стала зевом и извергла поток слизи, прошитый жесткими нитями гифов. Никольский выстрелил – мимо. Гифы, уцепившиеся за карниз, успели подбросить монстра вверх. Еще выстрел – опять мимо, цель рывком поменяла местоположение. Тут Никольский почувствовал, что влип; гифы оплели его. И зев приближается, и кости грудной клетки у монстра раскрываются, как челюсти или клещи.

Удрать уже не получится, остается использовать преимущества противника против него самого. Никольский схватил мусорный бачок, дал себя подтянуть и зашвырнул его в зев. Теперь уже не промахнулся. И противник поперхнулся, от

неожиданности ослабил хватку.

Оставив ему ботинок и штаны, Никольский потащил красноволосую за руку; теперь, главное, не ошибиться направлением.

– Хватит мне руку выдергивать, я сама могу, – засопротивлялась она. – И вообще у вас вид неприличный.

– Ничего особенного, древнегреческий вид.

Еще пяток «блох», казалось, бежали прямо по сумрачному воздуху – гифы пересекали улицу во всех направлениях. А еще по ней текла струйка топлива из проломленного бака аэрокара.

– Я сейчас включу продув и оно брызнет, – сообщил роботехпилот. – Вам, командир, останется только поджечь. Этим вы не убьете меня. Я, то есть мы, существуем не в отдельном теле, а в более широком информационном пространстве, где хранятся и развиваются математические модели нашего мышления. Мы еще встретимся.

– Спасибо, друг, – и Никольский извлек крохотный огонек из своей зажигалки. Мгновением спустя вспыхнули брызги и струи топлива; гифы ненадолго стали цепочками искорок, а затем обратились в черную труху. Скакавшие по воздуху «блохи» с разгона въехали в витрину рыбного магазина, и, пробив ее, завязли в геле, изображавшем морскую стихию.

А Никольский пустился вдогонку за женщиной – как выяснилось, она всё-таки умела быстро бегать. И вряд ли бы догнал, если бы улочка не уткнулась в пристань – десяток пирсов поблизости, но ни одного общественного катера или даже лодчонки. Придется угонять чужое плавсредство.

Спустя десять минут понял, что угнал правильную яхту. Мотор у нее заглох, отреагировав на угон, зато парус был не современный роторный, с компьютерным управлением, а по старинке. Умению ловить ветер Никольский учился на парусной практике после первого курса в Морском корпусе – еще кадетишкой. Кое-что сохранилось в памяти.

– Женщина, сядьте ближе к корме, к румпелю, а то выбросит за борт гиком, – предупредил он.

– Какая я тебе нафиг «женщина»? Я пока еще в сорок второй влезаю. Меня, кстати, Анастасия зовут, – огрызнулась она. – И не выбросит, смотри, какая оттяжка у гика короткая.

– Да ты морячка, Настя.

– Скорее подводница. А вы тоже мутант, как и те?

– Про тех ты мне расскажешь чуть позже. А пока наслаждайся видами.

– Чтобы не видеть вашего древнегреческого вида.

– Типа того. За нами третий сектор питерской лагуны:

бионика, подражание природе, нанoплантовые небоскребы-растения, смахивающие на дуб и ель, огурец, кочан капусты, репку – та самую, которую посадил дедка. А перед нами четвертый сектор, здания эпохи космоконструктивизма – они более старые. Глянцевые криволинейные поверхности, напоминающие планеты, кольца вокруг них, даже черные дыры и птолемеевы сферы, геодезики, бакиболы, подражание тому, что представляли писатели-фантасты прошлого века. А в южной части лагуны – самое интересное, словно поднявшиеся из воды терема морского царя – штабы компаний, занимающимся добычей и производством на шельфе.

Они проплывали между корпусами Института Прошлого и Будущего. Сейчас, в вечернем сумраке, они светились голографическим огнями социальной рекламы. И казалось, что прекрасная космонавтка трехсотметрового роста, готовая к терраформированию Марса, сейчас поставит им крупногабаритный сапожок на голову. Не она, так столь же прекрасный трехсотметровый витязь, идущий на бой с рыцарями-разбойниками.

– У меня там предки, в смысле, мать с отцом на Марсе, возле горы Элизий обитают. До терраформирования дело еще не дошло, но наши маленькие друзья – внесенные в почву бактерии и водоросли с нужной программкой в геноме – уже производят кислород и углекислоту, – сказал Никольский Насте, чтобы она немного расслабилась.

– Я тебя, то есть вас, уже где-то видела.

– Можно Сева, – представился он.

– Точно. Я вас, Сева, видела на стелле покорителей трансмарсианского пространства. Вы там третий с края. Капитан III ранга Никольский… В жизни вы как-то не так смотритесь. По крайней мере, там вы были в штанах.

– Искусство – это не зеркало.

– А я на подводной добывающей платформе работаю в Ледовитом океане. Медсестрой. Там – хорошо, коллектив приятный. Только мне туда уже не вернутся.

И тут она неожиданно расплакалась.

– Я – заражена.

– Современная медицина прекрасно умеет справляться с венерическими заболеваниями.

– Да идите вы, Сева, со своими венерическими заболеваниями – только одно у вас на уме. Вы же видели этих мутантов с воронками прямо в груди. И я стану такой же.

– Не станете. Потому что я их увидел гораздо раньше, чем вы, еще на спутнике Юпитера. Следите за моими губами – я этого не

позволю. Но, откровенно говоря, времени у нас немного.

– Никольский, отзовитесь, – проникло прямо в среднее ухо; это включился интракорпоральный трансивер, вмонтированный в его верхнюю челюсть.

– На связи, товарищ контр-адмирал.

– Чем, черт подери, вы занимаетесь?

– Катаюсь на яхте. Прекрасная погода, девушка рядом.

– Вы знаете, что замечено в третьем секторе лагуны?

– Конечно. Я сам первый это и заметил.

– Они появляются и в других районах города.

– Источник этой заразы, морула, находится где-то здесь – на поверхности воды много обрывков гифов. Сейчас у нашего паразита вторая стадия цикла размножения. Важно не допустить следующей, когда появятся половые особи. Конечно, можно ловить и отправлять в карантин тех, кто заражен, попробовать их там лечить с помощью медботов. Но, более всего, необходимо уничтожить источник спорозоитов, морулу. Я нырну и устраню ее.

– Это слишком рискованно. Я пришлю группу спецназа на конвертоплане.

– Присылайте, только я сделаю это сам. И пусть не садятся и не стреляют. Пока я не дам координаты цели.

– Ладно, действуйте.

– Именно это я и хотел услышать.

5. Последний бой

– Нырять без всякой подготовки? Этому вас учат в космофлоте? Вы что там совсем дурные? И без снаряжения? И без напарника?

– Настя, у меня модифицированные легкие для жидкостного дыхания. Так что надо просто прыгнуть в воду и сразу вдохнуть как можно сильнее. Так что пока-пока…

– Э, погоди, что сейчас ты сделал?

– Напоследок поцеловал девушку сорок второго размера по имени Настя, ну и попросил заодно: посиди пока тут.

– Во-первых, целоваться надо не так.

И она показала как. Никольский чуть не задохнулся. Это где она так научилась? Неужели на китовой ферме?

Но вот он уже в воде, резко втянул воду, тридцать секунд крайне неприятных ощущений. И можно погружаться. Пять метров, десять. Под водой небоскребы питерской лагуны еще больше напоминали мангровые заросли. Оптико-электронный детектор пистолета давал слегка контрастную картинку. Когда Никольский стал уже замерзать, то заметил «кляксу» с отрицательной температурой.

Шар с отростками, помпон, похожий на тот, который он видел в атмосфере Юпитера. Та самая морула. Где-то на три метра диаметром, с несколькими пучками щупальцев, смахивающих на кривые лучики фиолетового света. Сквозь кутикулу и полупрозрачную эндоплазму видна сеть трубок. А еще кольца, выделяющиеся более темным цветом.

И на глазах морула затряслась, начала выдавливать из себя эти кольца – на выходе они напоминали уже коконы. Один за другим, они поднимались вверх зеленоватыми огоньками, потом начинали свое движение к городу.

Ну, всё, он засек цель. Пора подняться наверх и передать ее координаты спецназовцам.

Но только подняться уже не получалось, его что-то держало, что-то невидимое и цепкое... А затем еще стало подтягивать к моруле. Похоже, это существо собралось поужинать им – или как там у него это называется.

Никольский видит покрытую наростами и отростками кутикулу инопланетной твари; от пистолета здесь толка нет. Он хватается рукой за кусок древней арматуры, пролежавшей на дне не один десяток лет. Но то, что тянуло его, преспокойно оторвало его от арматуры вместе с куском проржавевшего прута. Им уже не воспользуешься – рука с железякой принайтована к телу

отростками морулы.

И вдруг какое-то тело опередило его. Он узнал Настю по ярко-красной косичке, ну и по сорок второму размеру. Как она смогла погрузиться на такую глубину? Она врезается в морулу. Та поглощает Настю, дергается, одновременно ослабив хватку Никольского.

Он, высвободив руку, рванулся следом и стал полосовать ударами железного прута залетную тварь. Наконец рассек её кутикулу, подхватил тело девушки и стал всплывать. Только один раз глянул вниз. Морулу разорвало – из нее разом выплыли все колечки. Но и они разлагались, распадаясь на быстро тающие обмылки.

Эпилог

Настя оказалась непростой девушкой. У нее, если поднять красивые красные волосы над шеей и отодрать скин-пластер, видны два длинных надреза. Это есть у всех, кто хочет работать на подводной платформе. Органический имплант – «жабры». Самое неприятное с этими «жабрами», как говорит сама Настя – перед погружением надо не вдохнуть, а несколько раз выдохнуть, чтобы не было лишнего азота в крови. Но Настя это умела не хуже, чем любая морская царевна. А десять метров – вообще для нее не глубина.

Никольский это узнал уже после всплытия. Настя сперва была без сознания, и он боялся, что она погибнет еще до прилета конвертоплана. В это время Никольский рассказывал ей – хотя она и не могла его слышать – что несколько лет боялся, что именно он занес инфекцию на станцию «Юпитер-12» и из-за него зараза пошла гулять по другим базам землян в системе гигантской планеты. Ведь только недавно выяснилось, что перенос космического паразита – невещественный процесс и происходит в результате квантовой спутанности.

Из-за своего чувства вины Никольский первый взялся за испытание терминирующей ИМФ. Это надо было скрывать от собственного начальства, которое никоим образом не могло одобрить опасные для жизни эксперименты. Испытания шли при участии пары отмороженных экзобиологов, пары космофлотцев и нескольких хакеров – специалистов по тактильному программированию; это когда математические объекты можно щупать, комкать и даже щипать…

А началось всё с догадки, что на станции Атлантического альянса «Тор-2» космический паразит не сколько являлся объектом изучения, сколько сам изучал человека. Там он перенял код ИМФ, принял на вооружение ее инструменты; в общем, научился работать с человеческим телом.

Так что группе Никольского пришлось хакнуть исходный код ИМФ типа Living W. – благо тот действительно базировался на программной платформе, украденной у Института Брусенцова. А потом дополнить его кодами финализации, способными уничтожить саму инфекцию.

Пару недель испытателя Никольского колбасило только так – вначале он дал себя заразить, а затем обеззаразить. Оказалось – не зря. Это сработало, только не в космосе, а на Земле. И в итоге, девушка Настя оказалась переносчиком терминирующей ИМФ – поцелуйчики с Всеволодом Дмитриевичем не прошли даром.

Именно Настя и внесла код финализации в морулу.

Морула схавала терминирующую ИМФ и код финализации, не заподозрив подвоха, и тут же распространила его с помощью каналов квантовой спутанности по всем своим спорам.

Когда Настя Кораблева очнулась часом спустя в госпитале – в ее теле уже не было инфекции.

В то же время уже вовсю шел отлов инфицированных горожан – для последующего обеззараживания – а также непрошенных гостей, готовых в суматохе эпидемии провозгласить в городе на Неве Новую Ингерманландию и сразу призвать Атлантический альянс на выручку.

Непрошенных гостей – в «обезьянник», а вот инфицированных горожан и лечить не понадобилось. Инфекция в их телах терминировалась сама и, после десятидневного карантина, их можно было отпускать домой…

Свадьба капитана III ранга Никольского и Анастасии Кораблевой проходила на трех уровнях. Земном, где в церковь сходили, очень похожую на космический корабль; воздушном – летающем острове для молодоженов; и космическом. С орбитальной станции «Санкт-Петербург-3» Сева и Настя отправились в свадебное путешествие, закончившееся вполне официальной командировкой на Европу, где им предстояло разводить в подледном океане земных медуз, модифицированных под низкие температуры спутника Юпитера.